

БЛИСТАТЕЛЬНЫЕ
ГОДЫ

ГЛАВА 1

Он увидел ее наверху, на склоне поляны, когда было уже слишком поздно поворачивать назад. Подхватив покрепче здоровой рукой тяжелую корзину с рыбой, он решительно зашагал вниз по течению. Но ее собаки учуяли его пса.

— Дункан! Привет, Дункан!

Оклик остановил его, и он обернулся. Она прекрасно выглядела в своей короткой твидовой юбке и грубых башмаках, ее мягкие волосы блестели в косых лучах солнца.

— Ты что это?! — Ее слова прозвучали как упрек и выговор за попытку бегства.

— Маргарет! — Он даже не стал оправдываться. — Я просто тебя не заметил.

Она вызывающе улыбнулась, положив руки на трость-сиденье и не отрывая взгляда от его странной фигуры, в потрепанной одежде, — квадратный лоб, глубоко посаженные глаза человека-одиночки.

— Доктор Овертон ловит рыбу. Я пришла встретиться с ним. Ты его не видел?

Он молча покачал головой, и она рассмеялась:

— Ты не очень-то разговорчив, Дункан, для парня, с которым я ходила в школу. Небось ты только и думаешь, что о своем новом грандиозном назначении!

Он едва удержался от того, чтобы не поморщиться, и кивнул в знак согласия:

— Да, и правда повезло.

— Ты еще не получил его, — словно поддразнивая, продолжала она. — Еще надо дождаться собрания сегодня вечером. —

Помолчав, она смягчила тон. — Вот что принесет тебе удачу. Нашла, пока на холм поднималась.

И она протянула веточку раннего белого вереска.

— Спасибо, Маргарет.

Его голос дрогнул, когда он взял веточку левой рукой и сунул в карман пальто.

В этот момент снизу раздался чей-то возглас. Вверх по берегу реки, приветственно помахав удочкой, взбирался Овертон. Он приблизился. После короткого подъема на его красивом, с аккуратными чертами, лице выступила испарина.

— Ну ты и негодница, Маргарет! Целых два часа тебя ищущ. Как можно было бросить своего уважаемого гостя?

Затем, словно только увидев Дункана, он кивнул ему:

— Добрый вечер, Стирлинг. Как улов?

— Ничего такого, — с мгновенно возникшей неприязнью ответил Дункан. Этот самовлюбленный выскочка, которого Дункан в школьные годы превосходил по всем предметам, по-прежнему относился к нему свысока.

— То есть совсем ничего?

Доктор Овертон заглянул в корзину Дункана и невольно воскликнул:

— Господи! Что это? Тут на пять-шесть фунтов. А у меня и на один нету.

— Хочешь форели?

— Почему бы нет! — Овертон радостно крутанулся на месте. — Я бы с удовольствием.

— Бери все, — повеселел Дункан.

— Ну, приятель, это очень щедро с твоей стороны. Ты уверен?

— Абсолютно. Я всегда могу себе наловить сколько угодно.

Как Дункан ни старался, он не смог скрыть ноток презрения в голосе, но Овертон, занятый переключиванием крапчатой рыбы в свою корзину, не обратил на это внимания.

Затем, хохотнув, он повернулся к Маргарет:

— С удовольствием посмотрю на лицо твоего отца, когда он увидит, что я принес.

— Но, Йэн, не ты их поймал, — мягко возразила Маргарет.

— В любви и на рыбалке все средства хороши. — Он многозначительно посмотрел на нее.

Дункан переминался с ноги на ногу в промокшей обуви:

— Мне пора.

Он свистнул Расту, который лежал, свернувшись, в низком папоротнике. Когда Раст выбежал навстречу, Овертона вдруг осенило.

— Это тот самый пес? — спросил он.

— Тот самый.

— Да, ты потрудился.

Маргарет содрогнулась при воспоминании:

— После того, как на него наехал грузовик, его должно было разорвать на части!

— Так и было, — тихо ответил Дункан. — Но каким-то образом они снова срослись.

— Тебе следует специализироваться на пазлах, — усмехнулся Овертон и перевел разговор на другую тему. — Ну, я, вероятно, больше тебя не увижу. В следующий четверг я должен вернуться в университет из-за конкурса Локхарта.

— На социальные стипендии? — спросил Дункан.

— Они самые. — Овертон принял важный вид. — Головная боль для преподавателей Сент-Эндрюса! Каждую весну возишься с семьями претендентов на профессию врача.

— Интересно, справишься ли ты с этой головной болью!

Слова были произнесены так тихо, что горечь, стоявшая за ними, осталась незамеченной. И в следующее мгновение Дункан, глянув на Маргарет, приподнял шляпу и двинулся в обратный путь.

— Странный тип, да, Мардж? — глядя вместе с нею ему вслед, сказал Овертон.

— Ты тоже был бы странным, — улыбнулась она, — если бы у тебя было такое увечье, мой дорогой.

Всю долгую дорогу до города Дункан с тоской представлял себе, как Маргарет и Овертон вместе идут в Стинчар-Лодж, к дому отца Маргарет, полковника Скотта. Вот большой зал с пылаю-

щим камином. Слуга в темно-зеленой ливрее вносит чай. Когда появляется отец Овертона — Честный Джо Овертон, подрядчик и основатель железорудной компании, самый богатый человек в Ливенфорде, — Маргарет наполняет чашки из чайника, а молодой Овертон разносит их и хвастается своим внушительным уловом.

Йэн Овертон всегда умел произвести выгодное впечатление. Единственный сын Честного Джо, избалованный папашей, он, ощущая за спиной немалое состояние, был самоуверен и высокомерен. В его манере общения было много напускного, говорившего об отсутствии должного воспитания, что он умело скрывал под обезоруживающей улыбкой.

Дункан со стыдом вспоминал, как часто он исподтишка заглядывал в окна этого самого зала, когда много лет назад доставлял продукты в большой дом Овертонов. Он действительно учился вместе с Маргарет, но школы этих северных городков равно принимали как хорошенькую дочь землевладельца, так и сына уборщицы, калеку.

Он добрался до неказистого Ливенфорда, городка, раскинувшегося между грязным устьем реки и сталелитейным заводом по обе стороны от железнодорожной станции, и наконец свернул на убогую и узкую улочку, где все, включая запахи, говорило о нищете. Как хорошо он ее знал!

Дункан остановился у темного бокового входа, поднял щеколду на двери и вошел в свой дом. Здесь, в отличие от внешнего мира, царили чистота и покой.

Его отец сидел в своем углу в маленькой, освещенной газовой лампой комнате, на редкость трезвый. В течение последних десяти дней, в честь предстоящего великого события, Длинный Том Стирлинг мучительно соблюдал воздержание.

— Вернулся, — осторожно заметил он, держа в ладонях чашечку курительной глиняной трубки. — Мать в гостиной накрывает на стол.

Мужчины переглянулись — это была мимолетная и неуловимая искра взаимопонимания. Длинный Том Стирлинг был городским бездельником. Городским пьяницей. Тридцать лет назад это был довольно бойкий молодой человек, служивший клер-

ком городского совета, потом школьным вахтером, потом смотрителем в Ливенфорд-холле. Теперь его длинная, худая, изможденная фигура маячила возле ступенек гостиницы «Красный лев» и у бара внутри. Уже четверть века как он нигде не работал. И все же единственный сын любил его.

— Сегодня тебя ждет откормленный теленок, — прошептал Длинный Том. — Я уже много лет не видел мать такой взбудораженной.

Дункан мрачно уставился на мерцающий огонь в камине, ясно представив себе свое будущее, где не было ни надежд на другую жизнь, ни путей к спасению. Услышав внезапный шорох, он обернулся и увидел, что в дверях стоит мать и пристально смотрит на него.

— Твой синий костюм отглажен, Дункан, он на кровати у тебя наверху. И я положила чистую накрахмаленную рубашку и воротничок. Ты должен быть в лучшем виде сегодня вечером.

— В лучшем виде!

Он не мог скрыть своего гнева.

Она поджала губы, но ничего не ответила. Было странно, насколько даже молча она доминировала в комнате. Марта Стирлинг, маленькая женщина в черном поношенном платье, с бледным лицом, покрытым глубокими морщинами. Ее сцепленные под лифом руки были красными, покрытыми шрамами и узлами вен. Они красноречиво свидетельствовали о двадцати пяти годах тяжелого труда, бесконечной чередой тазов и ведер мыльной воды, вымытых полов, тысячи стирок, катаний и отбеливаний белья, благодаря чему она истово, неукротимо, благочестиво поддерживала непутевого мужа и воспитывала любимого сына.

— Когда вернешься, я угощу тебя хорошим ужином. — Вместо суровых ноток в ее голосе прозвучали нежность к сыну и гордость за него. — Думаю, ты это заслужил.

Неожиданно его прорвало. Он говорил быстро, с безрассудной настойчивостью отчаяния:

— Мне трудно в этом признаваться, мама, но я должен сказать тебе — я не хочу претендовать на эту должность.

— Это почему?

Ее вопрос прозвучал, как удар хлыста.

— Потому что я ненавижу такую работу!
— Ненавидишь такую работу? — словно не веря своим ушам, повторила мать.

— Да, она мелкая и бесполезная. Это тупик. Если я соглашусь, я застряну на всю жизнь!

— Прекрати! — резко выдохнула она. — Как это грустно слышать, когда так несправедливо отзываются о должности секретаря Совета! Кем же тогда ты хочешь работать, в самом деле?

— Ты знаешь, о чем я всегда мечтал! — ответил он со всей страстью.

Лицо ее озарилось догадкой, но она не утратила самообладания. Она заговорила с жалостью, словно чтобы пробудить его от глупого ребячьего сна:

— Мой бедный Дункан! Я думала, ты навсегда выбросил эту чушь из головы. Не забывай о своем положении в жизни. Мы бедные рабочие люди. И даже если бы у нас были деньги на то, на что ты рассчитываешь... — В ее голосе прозвучало глубокое сожаление. — Я знаю, что для тебя лучше, сын мой. Все эти годы я работала и молилась, чтобы однажды ты мог занять почетное положение, которого твой отец-неудачник так и не добился. И теперь, похоже, все сбудется.

Мотнув головой, она закрыла эту тему:

— Иди наверх и переоденься, сынок. Тебе не стоит опаздывать.

Он промолчал, остановив рвущийся из него поток возражений и просьб. В конце концов, разве она не права? Чего он мог добиться, будучи ограниченным в средствах и физической форме? Он повернулся и пошел наверх.

Там, на принадлежавшем ему чердаке, он бросил взгляд на учебники, которые он так старательно, так бесплодно изучал каждый день до полуночи. Горячие жгучие слезы подступили к его глазам.

ГЛАВА 2

Сидя на жесткой скамье в приемной зала Совета, Дункан слышал обыденные голоса, и горечь в нем росла.

Какое имело значение его отчаянное, неутолимое честолюбие? Какое имели значение его собственные способности, которые он чувствовал глубоко внутри, его скрытый дар, который мотивировал каждую мысль, каждое устремление его жизни? Он знал, что обладает редким талантом. Раст, раздавленный пес, вернулся к жизни под его рукой. Однажды во время игры его одноклассник вывихнул плечо. Дункан живо вспомнил, как вправлять вывих, и несколькими движениями здоровой руки привел в чувство кричащего от боли парня.

Дверь открылась. Тодд, привратник, подал знак.

Сквозь пелену табачного дыма Дункан увидел советников за длинным дубовым столом, почувствовал, как их взгляды устремились на него. Председательствовал на Совете отец Маргарет, полковник Скотт, и его взгляд был добрым. Там сидели Троуп, владелец похоронного бюро, Леггат, адвокат, Симпсон, пастор — ничтожества из маленького городка. Но последний член Комитета ничтожеством не был. Это был Честный Джо Овертон, магнат, опора церкви, сделавший себя сам, чьи промышленные подвиги привели к захвату половины окружающих сельских угодий. И когда Дункан выдержал скрытый, оценивающий взгляд этого предпринимателя, он понял, что это его враг.

Первым заговорил полковник Скотт. Он улыбнулся Дункану в знак поддержки:

— Рад видеть тебя здесь, Стирлинг... Что ж, джентльмены, вот, я надеюсь, наш новый секретарь Совета.

— Не так быстро, господин председатель. — Это был Честный Джо. — Это назначение близко касается всех нас. Мы должны оценить квалификацию кандидата.

Леггат, приподняв свою остроконечную бородку, лукаво заметил:

— А разве один из членов семьи кандидата уже не сделал это для нас?

От неявного намека адвоката кровь бросилась Дункану в голову. Он знал, что его озабоченная мать обошла всех членов Комитета, чтобы выпросить для него эту должность.

— Господа, пожалуйста! — Полковник постучал по столу. — Мы все знаем Дункана Стирлинга. Нам осталось лишь подтвердить наш выбор.

— Прекрасно, Джон! — Овертон откинулся назад. — Но в моем бизнесе, когда я покупаю продукт, мне нужен хороший продукт.

— Да ладно, Джо! — нахмурился полковник. — Работа чисто канцелярская.

— Откуда у тебя такой изъян, Стирлинг?

Этот болезненный вопрос задал маленький сморщенный Троуп, изучающий кандидата профессиональным взглядом гробовщика.

Сдерживая готовый сорваться с губ возмущенный ответ, Дункан сказал:

— У меня был полиомиелит, когда мне было двенадцать.

— Полио... что?

— Детский паралич, болван, — прорычал полковник. Он повернулся к Дункану. — Условия назначения тебе известны. Договор на пять лет с возможностью продления, — он улыбнулся, — что означает, что оно практически пожизненное. И жалование от тридцати шиллингов в неделю.

ГЛАВА 3

— Минутку, с вашего позволения! — Овертон постучал кулаком по столу. Его побаивались, и он упивался сознанием своей силы. — Я все еще сомневаюсь, подходит ли данный кандидат для этой работы. Не забывайте, что нам часто приходится обсуждать серьезные личные вопросы. — Он сделал многозначительную паузу. — Когда я приступлю к реализации своего большого проекта «Энергия Линтона», в котором вы все будете заинтересованы, нам понадобится надежный клерк.

— Верно! — согласился пастор Симпсон, ханжески закатив глаза.

— Вот именно! — кивнул Овертон. — И есть еще один момент, который я хочу затронуть. Отец кандидата когда-то занимал эту должность — какая у нас гарантия, что сын не пойдет по его стопам?

Наступила мертвая тишина. Дункан почувствовал, как его захлестнуло обжигающей волной. Ему стало ясно, откуда яд у этого человека. С тех пор как, еще в школьные годы, он осмелился превзойти по успеваемости Йэна Овертона, драгоценного сынка богача, местный властелин затаил на него злобу.

Недели мучительных размышлений и этот жесткий перекрестный допрос дали себя знать — его натянутые до предела нервы не выдержали. Само безрассудство в чистом виде, он вызывающе посмотрел на Честного Джо.

— Вы бы лучше оглянулись на себя самих. — Голос Дункана окреп, стал тверже. — Вы возомнили себя защитниками интересов сообщества. А сами заняты лишь поисками личной выгоды.

— Это клевета на Комитет! — крикнул Овертон.

— Неужели? — крикнул в ответ Дункан. — А как насчет вашей прибыли от земли, которую вы купили за бесценок и перепродали городу под газовую станцию?

— Это проклятая ложь! — покраснев от гнева, возмутился Овертон.

— Двадцать тысяч, которые вы заработали на городской библиотеке, построенной из никуда не годных кирпичей и такого же раствора, и контракт, который вы сами составили, — это тоже ложь?

— Послушайте, — в панике взвизгнул Троуп, — как мы можем такое терпеть, в самом деле!

Дункан яростно повернулся к нему:

— Вы тоже занимаетесь грабежом, и весь город это знает. Вы даже получаете двести процентов прибыли от дощатых гробов, которые продаете работному дому.

В зале Совета воцарилась напряженная тишина. Затем поднялся шум.

Тщетно полковник Скотт пытался обуздать оппозицию, сплотить силы в пользу Дункана:

— Господа, господа! Мы не должны быть слишком обидчивы. Это привилегия молодых — высказывать то, что у них на уме.

Его больше не слушали. К Овертону вернулся дар речи. Дергая себя за воротник, он кричал:

— Ты никогда не получишь эту должность! Даже если доживешь до ста лет!

— Она мне не нужна! — крикнул в ответ Дункан. По крайней мере, в этот момент ему было все равно. — Лучше умереть с голоду, но сохранить свое достоинство!

— Ты точно умрешь с голоду, — проорал Овертон, размахивая кулаком. — Тебе конец в Ливенфорде! Ты еще вспомнишь этот вечер, когда из канавы будешь просить милостыню.

— Вы тоже вспомните об этом, — воскликнул Дункан, — когда мое имя будет известно всему миру!

Все смолкли, с разинутыми ртами уставившись на него.

ГЛАВА 4

Выйдя, Дункан увидел у входа припаркованный легкий автомобиль полковника Скотта с Маргарет за рулем, ожидавшей отца, чтобы отвезти его домой. Она отчаянно посигналила. В ее глазах стояли слезы от смеха.

— Дункан! — воскликнула она. — Нил Тодд все уже мне рассказал. Он подслушивал у замочной скважины. Я просто в истерике, правда, когда думаю об этом... — Она затряслась от смеха.

Его все еще колотило от возбуждения, и он со странной обидой посмотрел на нее — как можно было превращать его трагедию в фарс. Разжав челюсти, он мрачно сказал:

— Для меня это не так уж смешно.

— Да брось ты. — Она сделала паузу. — И все же разве не глупо отказываться от этой должности? Что, черт возьми, ты собираешься делать?

— Я не знаю. — Он сжал кулак. — Разве что, может, начать драться!

Она вопросительно посмотрела на него. В ее ярко-голубых глазах отразилось сомнение.

Он ответил ей пристальным взглядом. Как она была прекрасна, как естественна и совершенна — принцесса в далекой башне. Его решимость росла — сердце наполнилось внезапным желанием рассказать ей о своих грезах. Он услышал свой голос как бы со стороны:

— Маргарет, только не смейся надо мной. Я всегда — всю свою жизнь — хотел быть врачом, — с напором говорил он. — Я знаю, что во мне есть сила исцелять людей — что я могу преуспеть в медицине.

Прежде чем от нее последовало неизбежное возражение, он поспешил продолжить:

— Я знаю, что я инвалид, но это не помешает мне. Я мог бы стать хорошим врачом, лучшим из них всех!

— А почему ты раньше об этом не думал?

— Я думал. Думал до умопомрачения.

Наступила тишина. Девушка была смущена до глубины души, понимая, что́ все это означает для Дункана. Она помедлила, не зная, что сказать.

— Вот бы тебе поступить в Университет Сент-Эндрюса. Доктор Овертон мог бы помочь. Мы можем написать моему дяде, который там декан факультета.

То, что она проявила интерес к его словам, воодушевило его.

— Приятно, что ты хочешь мне помочь, — сказал он. — Но у меня есть план. Он у меня в голове уже несколько месяцев.

— Что за план?

— Абсолютно сумасшедший, — не сразу ответил он. — Больше не спрашивай меня ни о чем. Всего лишь один шанс на миллион, что у меня получится.

Снова наступило молчание. Затем она мило улыбнулась и легонько, утешающе коснулась его плеча:

— Я уверена, что-нибудь да подвернется. Бог мой! В зале для заседаний выключили свет. Это значит, что они расходятся. Ой, Дункан! Нехорошо, если они тебя здесь увидят!

Ему совсем не так хотелось проститься с Маргарет, но он понимал, что не должен своим присутствием компрометировать ее. Если бы он мог в одной короткой фразе выразить все, что испытывал к ней! Но в таких случаях ему редко удавалось сказать что-то подходящее. Он пожал ей руку, пробормотав обычные слова прощания.

ГЛАВА 5

К тому времени, как он добрался до дома, его охватило лихорадочное возбуждение. Когда он вошел, его отец, сидящий в своем углу, перестал раскачиваться на стуле.

— Мать вышла встретить тебя двадцать минут назад. Ей не терпелось услышать хорошие новости.

— Хорошие новости!

В нескольких словах он рассказал о том, что произошло. Наступила странная, впечатляющая тишина, нарушаемая только медленным тиканьем старых настенных часов. Затем Длинный Том неуклюже поднялся со стула и крепко пожал руку сына, попридержав ее в своей руке. Он не произнес ни слова, но пауза была красноречивой.

Наконец Дункан сказал с жаром:

— Это ведь важно, папа, делать то, что ты хочешь делать?

— Так и есть, мой мальчик.

— Папа! — сказал Дункан. — В четверг на следующей неделе Университет Сент-Эндрюса проводит экзамен на стипендию Локхарта. Это открытый конкурс — принять участие может кто угодно, от сына герцога до таких, как я. Присуждаются три стипендии. И каждая из них означает свободу — свободу изучать медицину! — Он остановился, чтобы перевести дух, а затем ринулся дальше. — Я не говорю, что у меня есть шанс, но я попытаюсь, даже если это убьет меня!

Длинный Том украдкой посмотрел на Дункана из-под рыжеватых бровей — в этом взгляде читалась какая-то потаенная гордость за сына. Затем он наполнил два стакана виски и поднял свой.

— Я предлагаю тост за тебя, сын мой! За Дункана Стирлинга, доктора медицины — лучшего врача королевства через какие-то десять лет. И черт побери тех, кто это отрицает!

Одним залпом он осушил стакан, а затем разбил его о камин.

В этот момент входная дверь с громким стуком отворилась, в теплое помещение ворвался порыв ветра, а следом возникла хозяйка дома. Марта Стирлинг застыла в дверях, бледная и напряженная, с плотно сжатыми губами. Ее пылающие глаза увидели виски на столе.

— Кажется, я вам помешала, — сказала она.

Смущенный Том пробормотал извинения.

— От тебя я могла этого ожидать, — сказала она с упреком, — но тащить своего сына за собой!

— Мама! — Дункан протестующе шагнул вперед. — Поосторожней в выражениях!

— А ты был осторожен в выражениях?

Значит, она все узнала. Целое ужасное мгновение они смотрели друг на друга. Затем ее прорвало:

— Никогда бы не поверила, что это мой сын! После всего, на что я надеялась и о чем молилась! Единственное, что теперь нужно сделать, это пойти к мистеру Овертону и извиниться за свои слова...

— Я не буду извиняться ни за одно из своих слов, — перебил он ее. — Прости, что делаю тебе больно, мама, но я принял решение.

Поняв, что означал его пристальный взгляд, она воскликнула:

— Это та твоя безумная идея стать врачом?

Он кивнул.

Ее охватил приступ гнева и разочарования, почти затмивший все прочие чувства. Она, которая заботилась о благополучии сына, о его будущем, — как она могла смириться с этой его одержимостью?

— В последний раз спрашиваю, ты будешь извиняться перед Комитетом?

— Нет, мама.

— Тогда ты мне больше не сын! — Она уже не сдерживала себя. — Сегодня вечером ты покинешь этот дом. Покинешь и больше не вернешься!

СОДЕРЖАНИЕ

БЛИСТАТЕЛЬНЫЕ ГОДЫ. Повесть <i>Перевод И. Куберского</i>	5
МЕСТНЫЙ ДОКТОР. Повесть <i>Перевод И. Куберского</i>	191
ГРАН-КАНАРИЯ. Роман <i>Перевод Э. Несимовой</i>	279

Кронин А.

К 83 Блистательные годы. Гран-Канария : повести, роман / Арчибальд Кронин ; пер. с англ. И. Куберского, Э. Несимовой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 576 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-22374-5

Арчибальд Джозеф Кронин (1896–1981) родился в Шотландии, окончил Университет Глазго, работал врачом в Южном Уэльсе и Лондоне. Но его истинным призванием стала литература, которой он посвятил себя после оглушительного успеха своего первого романа «Замок Броуди». Из других книг А. Кронина наиболее известны «Звезды смотрят вниз», «Цитадель», «Юные годы», «Путь Шеннона», «Ключи Царства», «Памятник крестоносцу», «Три любви». Самые яркие романы принадлежат к числу бестселлеров, разошедшихся огромными тиражами по всему миру; по мотивам произведений Кронина создано более 30 экранизаций.

Но нельзя сказать, что, оставив врачебную практику, Арчибальд Кронин навсегда распрощался с медициной. Эта профессия, связанные с ней проблемы и вызовы времени всегда будили творческое воображение писателя, поэтому главным героем его книг часто становился талантливый и целеустремленный врач — тот, кому автор мог передать свои идеи, взгляды, искания.

Одержим любимой работой Дункан Стирлинг, герой повести «Блистательные годы». Несмотря на искаленную руку, он полон решимости добиться мировой славы на медицинском поприще. Мечтает об этом и Харви Лейт («Гран-Канария»). Одаренный врач и исследователь, уверенный, что его открытие совершит переворот в науке, он терпит жестокую неудачу и отправляется на Канарские острова, чтобы начать все с нуля... В небольшой повести «Местный доктор» рассказана романтическая и захватывающая история врача Роберта Мюррея и медсестры Мэри, прибывших на отдаленный карибский остров накануне зловещих событий...

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРЧИБАЛЬД КРОНИН
БЛИСТАТЕЛЬНЫЕ ГОДЫ
•
ГРАН-КАНАРИЯ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редакторы Ирина Стефанович, Яна Алексеева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Дмитрий Капитонов, Маргарита Ахметова

Подписано в печать 06.04.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 32,28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-IUN-31338-01-R